

A dramatic landscape painting. In the foreground, a person with long, dark, wavy hair, wearing a dark, heavy coat, stands on a rocky ledge, looking out over a turbulent sea. The sea is a vibrant, almost turquoise blue, with white foam from the waves crashing against the base of the cliffs. The cliffs are dark, jagged, and steep, rising from the water. In the distance, more cliffs are visible under a sky filled with heavy, grey clouds. Several white birds are seen flying in the sky. The overall mood is one of solitude and the power of nature.

Сергей Чувашов

Сага Ветры Солёной Бухты

Сергей Чувашов

Сага Ветры Солёной Бухты

<https://litres.ru/73807489>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ветры Солёной Бухты» это мрачная и захватывающая сага о семье, разорванной древним злом, что таится в глубинах моря. Милана, наследница Хранительницы, становится сосудом для Ока силы, открывающей дверь к спящим чудовищам. Морган, воплощение тьмы, ждёт её, чтобы завершить тысячелетний цикл. Пока море тяжелеет, а тьма сгущается, её дочь Лада бросает вызов бездне, чтобы спасти мать и брата Яра, чья память заперта врагом.

Каждый шаг к дну это борьба со страхом, где вода становится матерью и врагом. Любовь и внутренний свет единственное оружие против ненасытной тьмы. Сможет ли семья разорвать цепи Моргана, или море поглотит их навсегда? Эта серия о мужестве, жертвах и надежде, что даже в самой чёрной пучине можно найти путь к свету.

Сергей Чувашов

Сага Ветры Солёной Бухты

Синдия, 1010 год от основания Великой Скифии (условно). Милана, беглянка из рода жриц Луны, выросла среди скал, зная язык ветра и волн. Когда её отца, вождя прибрежного племени, предательски убивают во время переговоров с кочевниками, к власти приходит жрец Дагон. Он объявляет Милану «невестой моря» — древнее проклятие, означающее утопление в день кровавой луны.

В ночь жертвоприношения девушку сталкивают с утёса в Чёрное море, но волны, словно живые, выносят её на дикий пляж. Там она находит Азария — печенежского волка, израненного в схватке с собственными братьями, которые заподозрили его в измене. Первая встреча — с ножом у горла. Он принимает её за морскую деву (берегиню), она — его за демона степи. Но обоим нужен Дагон: Милане — месть, Азарию — артефакт «Око Хаоса», который жрец украл из его рода. Преследуемые убийцами и морскими тварями, они спускаются в подземные лабиринты под Городом-на-Волнах.

Там Милана узнаёт страшную правду: её мать была не синдийской жрицей, а дочерью правителя Тмутаракани, и её кровь способна разбудить древнее существо, которое Дагон хочет подчинить. В финале Милана должна выбрать: убить Азария, как велит её богиня, или отдать свою жизнь, чтобы

море и степь навсегда смешались в одном дыхании.

Глава 1. Кровь на соли

Вода помнила всё.

Милана прижалась щекой к холодному, шершавому камню и слушала, как далеко внизу, под выступом скалы, Чёрное море переворачивало гальку. Это был не просто шум — это были голоса. Она слышала их с детства: низкий, грудной бас глубины, тонкий свист ветра над гребнями и плач утонувших девушек, которых предки бросали в бухту в год большой засухи.

— Ты снова здесь, — раздался голос за спиной.

Милана не обернулась. Она знала: это Ортан, её младший брат, единственный, кто ещё осмеливался подходить к ней после того, как жрец Дагон объявил её дом проклятым. Парню было пятнадцать, и он уже носил мужскую повязку воина, хотя его руки ещё пахли не кровью, а рыбьей чешуёй.

— Море беспокойно, — тихо ответила Милана. — Смотри.

Она указала на линию горизонта, где небо сползало в воду не просто серым, а каким-то сиренево-чёрным, будто кто-то огромный затаил дыхание под толщей. Волны накатывали неправильно: вместо привычного ритма — вдох-выдох — они бились в берег с панической частотой, захлёбываясь пеной.

— Дагон сказал, это ветер с востока. — Ортан попытался

скрыть дрожь в голосе.

— Дагон врёт.

Милана поднялась. Её длинная туника из грубого льна намочла от брызг и липла к телу. Она была худа той звенящей, опасной худобой, которая бывает у диких кошек перед прыжком. Волосы цвета мокрой соломы, с детства заплетённые в три косы, разметал ветер. Глаза — тёмные, как само дно бухты, — смотрели на брата с такой тоской, что у того перехватило горло.

— Он убил отца, — сказала она просто. — Не кочевники. Не печенег, которых ты боишься по ночам. Дагон. Я видела.

— Ты не могла видеть. Ты была в храме, ты молилась Луне.

— Луна показала мне. — Милана коснулась пальцами своего левого виска, где под кожей пульсировала тонкая голубая жилка. — Когда я падаю в сон, я вижу не то, что будет, а то, что было. Отец пил вино с Дагоном. Дагон улыбался. А потом в кувшине оказалась не вода — иглы. Иглы рыбы-скорпены. Отец не мог дышать, хватался за горло, а Дагон стоял и считал его вдохи. Три. Два. Один.

Орган побледнел так, что веснушки на переносице стали похожи на грязь.

— Зачем тебе это знать? — прошептал он. — Зачем ты мучаешь себя?

— Затем, что сегодня в полдень Дагон позвал меня к себе. Он надел чёрный плащ, тот, что надевают только для одного.

— Милана замолчала, прикусила губу до крови. — Он объявит меня невестой моря, Ортан. Ты знаешь, что это значит.

Брат схватил её за плечи. Его пальцы, сильные, рыбацкие, впились в её ключицы так больно, что она поморщилась.

— Бежим. Сейчас. Я договорился с купцами из Тмутаракани, они возьмут нас на ладью за три шкуры куницы.

— Нет.

— Милана!

— Нет, потому что он не отпустит нас. — Она мягко, но твёрдо высвободилась. — Он ждёт, что я побегу. Тогда он убьёт тебя первым, а меня привяжет к камню и будет топить медленно, чтобы море привыкло к моему вкусу. Я знаю этих жрецов. Они читают страх лучше, чем звёзды.

Внизу, у подножия утёса, волна вдруг отступила слишком далеко, обнажив мокрую полосу камней, поросших бурой водорослью. И на этих камнях лежало что-то, чего там быть не могло.

Милана замерла.

Тело. Человеческое тело. Оно было выброшено морем, одето в незнакомую кожаную броню с нашитыми бронзовыми бляхами. Лицо скрывали волосы цвета воронова крыла, но одна рука была вытянута вперёд, сжатую в кулак, будто даже мёртвый этот человек отказывался сдаваться.

— Кто это? — выдохнул Ортан.

Милана вдруг почувствовала, как левая сторона головы начинает зудеть — верный знак приближающегося видения.

Она попыталась отшатнуться, но мир уже поехал, затёк, потерял чёткость.

Камни под ногами превратились в песок. Песок — в кровь. Кровь — в степной ковыль, горящий под копытами тысяч коней. И среди этого пожара стоял тот самый человек с мокрыми чёрными волосами, но живой. Он смотрел прямо на неё. Его глаза были жёлтыми, как янтарь, который выносит море после шторма. В правой руке он держал кривой меч, левая была прижата к животу, где сквозь пальцы сочилась чёрная кровь.

— Ты меня видишь? — спросил он хрипло. Голос был настоящим, физическим, не виденным. — Девчонка. Ты меня слышишь?

Милана хотела ответить, но видение схлопнулось, как пузырь на воде. Она стояла на коленях на мокрой гальке, и Ортан тряс её за плечи, крича что-то про злых духов и морскую болезнь.

— Он жив, — выдохнула Милана, глотая солёные брызги. — Тот человек. Он жив. Мы должны спуститься.

— Ты сошла с ума! Это воин. Печенег. Судя по бляхам — из рода Волка. Убьёт нас, даже если у него кишки наружу!

Милана посмотрела на брата. В её взгляде вдруг проявилось что-то древнее, то, что заставляло взрослых мужчин отводить глаза. Дар прабабок. Дар, за который её мать когда-то сожгли на костре.

— Ортан, — сказала она очень тихо. — Либо мы спустим-

ся к нему, либо через три часа Дагон спустит меня в воду с привязанным к ногам камнем. У меня нет выбора. А у тебя есть — вернуться в посёлок и делать вид, что ты никогда меня не знал.

Она развернулась и начала спускаться по осыпающемуся склону, цепляясь за корни диких роз, которые резали ладони.

Сзади раздался хруст гравия — брат шёл за ней.

Когда они добрались до воды, печенег уже пришёл в себя настолько, чтобы сесть. Он сидел, прислонившись спиной к большому валуну, облепленному мидиями, и пытался перевязать себе живот куском собственной рубахи. Руки его дрожали, но глаза — те самые, янтарные — смотрели ясно и зло.

— Не подходи, — сказал он на синдийском с ужасным гортанным акцентом. — Я убью. Обоих.

— Ты умрёшь раньше, чем успеешь дотянуться до ножа, — спокойно ответила Милана. Она опустилась на корточки перед ним, будто он был не степным хищником, а больным щенком. — У тебя рана в брюшину. Кишки не задеты, но селезёнка порвана. Если не прижечь, через час у тебя начнётся жар, и ты будешь бредить до самой смерти.

Печенег замер. Ни один синдец не говорил так о внутренних. Только их жрицы.

— Ты... кто ты? — прошептал он.

— Я та, кого ты не должен был встретить. — Милана разорвала подол своей туники на широкие полосы. — А те-

перь закрой рот и не двигайся. Орган, разводи костёр. Живой огонь. И принеси моего меча.

— У тебя есть меч? — удивился воин.

Милана подняла глаза. В них плясали отражения волн и что-то ещё — то, что заставило печенег, выдавшего смерти десятков людей, вдруг почувствовать себя маленьким мальчиком, потерявшимся в степи.

— Нет, — сказала она. — Но после сегодняшнего полудня у меня будет твой.

Она не знала тогда, что это прозвучит как пророчество. И что уже через час Дагон пошлёт за ней не стражников, а то, что живёт глубже волн и помнит вкус человеческой крови с тех пор, когда Анапа была не городом, а просто — ртом моря.

Глава 2. Янтарь и пепел

Орган развёл костёр за три минуты. Это умение — высекать искру из кремня даже на мокром ветру — досталось ему от отца, который говорил: «Пока теплится огонь, человек сильнее бога». Сейчас эти слова звучали почти насмешкой. Боги, казалось, притаились за каждым валуном и слушали, как Милана прижигает рану печенег раскалённым в углях ножом.

Воин не кричал.

Это было самое страшное. Он скрипел зубами так, что Милана слышала, как стирается эмаль, но ни звука не сорвалось с его губ. Только когда запах палёной плоти смешался

с морской солью, он выдохнул сквозь сжатые челюсти:

— Как тебя зовут?

— Милана.

— Это не синдийское имя.

— А ты — не мертвец. Но должен был им стать. — Она наложила повязку, затянула ту же, чем следовало, и удовлетворённо кивнула. — Кто тебя так?

Печенег молчал, глядя на неё. Его глаза при свете костра казались уже не янтарными, а медными — глубокими, как колодцы, в которые лучше не смотреть по ночам.

— Свои, — наконец сказал он. — Брат. Старший.

Ортан поперхнулся дымом.

— Свои режут своих?

— Когда речь идёт о власти над десятью родами и артефактом, который может осушить море, — да. — Печенег попытался усмехнуться, но скривился от боли. — Я — Азарий. Сын Хазара. Волк, который отказался кусать по приказу. Мой брат Алан решил, что мёртвый я лучше, чем живой, но непослушный.

Милана замерла.

Она слышала это имя. Шёпотом, по углам. Азарий — тот самый степной князь, который три луны назад сжёг три синдийских деревни за одну ночь. Тот, кто, по слухам, пил кровь из черепов и вешал младенцев на копья. Теперь он сидел перед ней на мокрой гальке, дышал с хрипом и был похож не на чудовище, а на загнанного волка, у которого сломали хребет.

— Ты убивал мой народ, — сказала она ровно.

— Я убивал тех, кто убил мою мать. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Синдцы. Три года назад. У деревни у Белых Скал. Отряд твоего отца.

Милана побледнела.

Три года назад. Белые Скалы. Она помнила тот месяц: отец вернулся домой с окровавленным мечом и три дня не разговаривал ни с кем, даже с ней. А потом сказал матери: «Это была засада. Они напали первыми. У меня не было выбора». Мать тогда промолчала, но ночью долго плакала, уткнувшись в подушку.

— Моя мать была простой травницей, — продолжал Азарий. — Она не носила оружия. Она лечила. И когда твои воины ворвались в её юрту, она стояла на коленях и просила пощады для детей, которых прятала за спиной. Её убили первой. А потом сожгли юрту вместе с теми детьми.

Ортан вскочил.

— Врёшь! Наш отец не мог!

— Мог. — Голос Миланы прозвучал глухо, как камень, падающий в воду. — Потому что отец был воином. А воины делают то, что им приказывают. Вопрос в том, кто отдал приказ.

Она посмотрела на Азария, и в её взгляде не было ненависти. Была усталость — та самая, которая приходит, когда понимаешь, что все нити ведут к одному узлу.

— Ты пришёл мстить Дагону, — сказала она не вопросом,

а утверждением.

Печенег медленно кивнул.

— Артефакт, который он украл у моего рода, называется «Око Хаоса». Это не просто камень. Это — глаз существа, которое спит на дне вашей бухты. Дагон думает, что может им управлять. Но мой род хранил Око триста лет, потому что мы знали правду: им нельзя управлять. Оно само выбирает хозяина. И если хозяин окажется слаб, Око разбудит Того, Кто Спит.

— И кто это? — прошептал Ортан.

Азарий поднял руку и показал на море.

Там, за линией прибоя, вода вдруг пошла кругами — неправильными, неестественными. Круги расходились от одной точки, но волны били в другую. Будто что-то огромное двигалось под поверхностью, меняя само течение.

— Наши предки называли его Морганом. Пожирателем Берегов. — Голос печенег стал тише шёпота. — Последний раз он просыпался тысячу лет назад, когда здесь ещё не было ни ваших деревень, ни наших курганов. Тогда он выпил целое море. Не это, другое — то, что было на месте вашей степи. Осталась только солёная впадина и кости.

Милана вдруг поняла, что её левая сторона головы больше не зудит. Она замерла в полной, звенящей тишине — той, которая бывает перед самым страшным. И в этой тишине море сказала ей то, чего не мог знать ни один жрец, ни один воин, ни даже сам Азарий.

«Твоя кровь — ключ. Не его. Твоя».

Она вскочила так резко, что Азарий инстинктивно потянулся за ножом, но ножа на поясе не было — Милана вытащила его ещё во время перевязки и теперь держала в руке. Лезвие тускло блеснуло в свете костра.

— Ты хотел сказать, — медленно произнесла она, — что Дагон ищет не просто носителя. Он ищет женщину с кровью древних жриц. Ту, чья мать была не синдийкой, а пришлой из-за моря. Ту, кто может слышать голос глубины.

Азарий побледнел.

— Откуда ты...

— Я не знала. До этой минуты. — Милана опустила нож. — Моя мать умерла не от болезни. Её убил Дагон, когда понял, что она не захочет отдать ему свою дочь. Он ждал, пока я вырасту. Ждал тринадцать лет.

Ортан стоял, прижав кулак ко рту, и смотрел на сестру так, будто видел её впервые. Ветер переменялся, и теперь пахло не морем — пахло гарью. Где-то в стороне посёлка, там, где стоял храм Дагона, поднимался чёрный столб дыма.

— Они начали, — прошептал Азарий. — Ритуал очищения. Он сжигает дома тех, кто мог бы тебя укрыть. Твоё время вышло, Милана.

Она посмотрела на брата. На печенегу. На тлеющие угли костра, которые ветер раздувал в маленькие адские цветы.

— У меня есть два часа до полудня, — сказала она спокойно, хотя внутри у неё всё дрожало, как тетива перед вы-

стрелом. — За это время мы должны успеть три вещи. Первое: найти лодку, которая отвезёт нас к скале Мёртвых Женихов. Второе: спуститься в пещеру, где Дагон прячет Око. И третье...

Она замолчала, посмотрела на Азария долгим, тяжёлым взглядом.

— Третье: я должна решить, убить тебя или поцеловать. Потому что мои сны никогда не врут. А в моём последнем сне мы делали и то, и другое. Одновременно.

Печенег медленно, очень медленно поднялся, опираясь на валун. Кровь проступила сквозь повязку, но он стоял. Стоял, как стояли его предки под копытами римских коней.

— Я не верю в сны, — сказал он хрипло.

— Зря, — ответила Милана и шагнула в темноту. — Потому что они — единственное, что не врёт в этом мире.

Орган побежал за ней. Азарий — нет. Он пошёл. Медленно, хромая, прижимая ладонь к животу, но пошёл. Потому что знал то, чего не знала Милана: в её сне он видел то же самое. Этой ночью, когда бредил от потери крови, он лежал на камнях и смотрел, как девушка с соломенными косами танцует на волнах. А потом море расступилось, и из него вышла не девушка — сама смерть в её обличье. И она улыбалась.

Теперь эта смерть шла впереди, босая, в разорванной тунике, и её тень на мокром песке была длиннее, чем позволяло пламя костра.

Над бухтой взошла луна — дневная, бледная, похожая на

вырезанный из кости глаз. И когда её свет коснулся воды, Милана вдруг остановилась.

— Слышите? — прошептала она.

Из глубины, сквозь шум прибоя, пробивался звук. Низкий, горловой, похожий на плач кита и на крик новорождённого одновременно.

— Это он проснулся, — сказал Азарий. — Не до конца. Но уже слышит нас.

— И что он говорит? — спросил Ортан, пятясь.

Милана закрыла глаза. Её губы шевелились беззвучно. А когда открыла, в них стояли слёзы.

— Он говорит: «Приведите мне невесту. Я устал ждать».

В посёлке за их спинами взвыли собаки. И вместе с ними — один человеческий голос. Голос Дагона, усиленный медными трубами храма:

— Дочь моря! Твой час настал! Вернись, и я дарю тебе лёгкую смерть! Беги — и ты увидишь, как твой брат будет тонуть целый день!

Ортан схватил сестру за руку. Его пальцы ледяными тисками сжали её запястье.

— Милана. Что мы делаем?

Она посмотрела на Азария. Тот стоял, шатаясь, но выпрямив спину. В его жёлтых глазах горело то, что она принимала за ненависть, но что на самом деле было страхом. Страхом человека, который понял: судьба привела его к этой девушке не случайно. И что выжить они смогут только вместе — или

не смогут вовсе.

— Мы делаем то, что должны были сделать тысячу лет назад, — ответила Милана. — Закрываем рот морю. Раз и навсегда.

Она шагнула вперёд. И море, словно почувствовав её, ударило в скалы так сильно, что брызги долетели до облаков.

Глава 3. Пещера Мёртвых Женихов

Лодка нашлась там, где Милана и ожидала — в расщелине западного мыса, где старый рыбак Хилон прятал свой чёлн от жрецов. Хилон был глух на одно ухо и глуп на оба, как говорили в посёлке, но Милана знала иное: старик просто притворялся глупым, потому что умные в Синдии долго не жили. Три года назад он подарил ей этот чёлн — маленький, смолёный, с вырезанной на носу головой дельфина.

— На всякий случай, — сказал тогда Хилон, и его единственный здоровый глаз смотрел так, будто он уже видел сегодняшний день. — Море любит тех, кто умеет ждать.

Сейчас чёлн покачивался на чёрной воде, и Азарий смотрел на него с плохо скрываемым сомнением.

— Нас трое, — сказал он. — Двое раненых и одна девочка. А лодка для одного.

— Для двоих, — поправила Милана. — Но мы втроем. Орган будет грести. Ты — сидеть и не двигаться, чтобы кровь не пошла снова. А я — смотреть.

— Смотреть? — переспросил печенег с таким выражением, будто она предложила ему плясать голым на вершине

кургана.

— Смотреть под воду. Там, куда мы плывём, нет дна. Только камни-убийцы, которые меняют положение каждые полчаса. Если я не увижу их раньше, чем они увидят нас, мы превратимся в щепки.

Ортан молча столкнул чёлн в воду. Он не спорил. Он вообще перестал разговаривать с тех пор, как в посёлке завывали собаки. Только сжимал вёсла так, что костяшки пальцев побелели, и смотрел в одну точку на противоположном берегу — туда, где чёрным провалом зияла Пещера Мёртвых Женихов.

Название говорило само за себя.

Триста лет назад, когда синды ещё не знали ни греков, ни римлян, в этой пещере справляли страшный обряд. Каждую весну в день весеннего равноденствия племя выбирало самого сильного, самого храброго юношу. Ему давали факел, меч и поцелуй матери. И отправляли в пещеру — умиловить духа воды, который, если его не кормить мужской плотью, выходил на берег и утаскивал детей.

Никто из женихов не вернулся.

Никто.

— Говорят, их кости до сих пор там, — тихо сказала Милана, когда челн отчалил от берега. — Лежат грудями. И каждый череп повернут в сторону входа, потому что даже мёртвые они смотрели, не придёт ли спасение.

— Ты хочешь меня напугать? — спросил Азарий.

— Нет. Я хочу, чтобы ты понял: туда, куда мы плывём, не плывут живые. Мы плывём мёртвыми. Вопрос только в том, сможем ли мы ожить обратно.

Чёлн скользил по воде с пугающей лёгкостью. Море вокруг них стало странным — не чёрным, не синим, а каким-то серо-зелёным, как гной перед прорывом. Запахи тоже изменились: вместо привычной соли и водорослей пахло тухлыми яйцами и чем-то сладковатым, тошнотворным — запахом старой крови.

— Серный источник, — объяснила Милана, заметив, как Азарий поморщился. — Под пещерой течёт горячая река. Она смешивается с морской водой. Поэтому здесь никогда не замерзает даже в самые лютые зимы. И поэтому здесь живёт то, что не может жить в холоде.

Орган замер с веслом на полпути.

— То есть?

— Там, внутри, — Милана кивнула на чернеющий провал пещеры, который с каждой секундой становился всё больше, — температура всегда одинаковая. Летом — как зимой. Зимой — как летом. И для тех, кто там живёт, не имеет значения, какое время года наверху. Они просто ждут.

— Кто — они?

Милана не ответила. Она смотрела на воду, которая вдруг пошла кругами — не от вёсел, не от ветра, а от чего-то снизу. Что-то большое и медленное проплыло под днищем челна, задев его так, что дерево жалобно скрипнуло.

— Не шевелитесь, — прошептала она.

Ортан побелел как полотно. Азарий, не снимая руки с живота, медленно вытащил из-за голенища запасной нож — маленький, кривой, явно не для боя, а для последнего удара — в своё сердце, если понадобится.

Тень под водой прошла второй круг. Третий. На четвёртом она остановилась прямо под челном и замерла.

И тогда Милана сделала то, чего никто от неё не ожидал.

Она опустила руку в воду.

— С ума сошла! — заорал Ортан, пытаясь перехватить её запястье, но она оттолкнула его локтем.

— Молчи. — Её голос звучал глухо, как из бочки. — Оно не ест. Оно смотрит. Если я уберу руку — оно подумает, что я боюсь. А то, что не боится, оно не трогает.

Вода была тёплой. Слишком тёплой — как парное молоко, как кровь живого существа. И под водой Милана нащупала не рыбу, не камень, не водоросль. Она нащупала кожу. Гладкую, скользкую, покрытую чем-то вроде мелкой чешуи. И под этой кожей билось сердце — медленно, тяжело, раз в десять секунд.

«Ты — моя, — услышала она. Не ушами — прямо в позвоночнике, в костях, в каждой клетке. — Я ждал тебя. Тысячу лет».

Милана выдернула руку так резко, будто обожглась. На пальцах осталась слизь — прозрачная, мерцающая, с запахом грозы.

— Греби, — сказала она одними губами. — Быстро.

Ортану не нужно было повторять дважды. Он вонзил весло в воду с такой силой, что чёлн выстрелил вперёд, едва не перевернувшись. Азарий схватился за борт, зашипев от боли, но не издал ни звука.

А снизу, из глубины, донёлся звук. Смех. Гулкий, низкий, похожий на раскат камнепада в горах. И в этом смехе не было ничего человеческого.

Пещера распахнулась перед ними, как гнилая пасть.

Свод нависал так низко, что Милана могла дотянуться до него рукой. Сталактиты свисали как огромные каменные зубы, с которых капала вода — кап-кап-кап — с равномерностью пульса. Стены были покрыты чем-то белым, похожим на плесень, но при ближайшем рассмотрении плесень оказалась солью. Тысячелетние отложения морской соли кристаллизовались на камне, образуя причудливые узоры — лица, руки, тела.

— Это не просто соль, — прошептал Азарий, коснувшись стены. Под его пальцами один из кристаллов отломился и упал в воду, и на месте, где он был, проступил тёмный влажный след — как будто камень плакал. — Это... это люди?

— Это те, кто не вышел, — ответила Милана. Её голос эхом отразился от сводов и вернулся искажённым, с присвистом. — Море высасывает из костей соль и выносит её на стены. Говорят, если лизнуть камень, можно узнать, как умер человек.

— Кто это говорит?

— Сумасшедшие. Или те, кому нечего терять.

Чёлн медленно плыл по узкому каналу, который петлял между каменных стен. Свет снаружи почти погас — только тусклое зеленоватое свечение исходило от воды, будто кто-то разбил под поверхностью сотни гнилушек. Планктон. Светящийся планктон, который питается разлагающейся плотью.

— Мы почти на месте, — сказала Милана, хотя никаких признаков конца пути не было. — Я чувствую Око.

— Как можно чувствовать камень? — спросил Ортан.

— Это не камень. Это — глаз. — Азарий говорил тихо, почти благоговейно. — Он видит. И когда мы подойдём достаточно близко, он увидит нас. И тогда у нас будет ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сделать вдох.

— А потом? — спросил Ортан, хотя боялся ответа.

— А потом — выдох. Последний.

Пещера вдруг расширилась. Они выплыли в огромный грот, настолько высокий, что свод терялся в темноте. В центре грота возвышался каменный островок — гладкий, отполированный водой до зеркального блеска. И на этом островке стоял алтарь.

Это было не человеческое творение.

Алтарь был вырезан из цельной кости — настолько огромной, что не могло существовать животного, которому бы она принадлежала. Рёбра, позвонки, лопатки — всё это складывалось в подобие трона, на котором лежало Око.

Милана замерла, увидев его впервые.

Камень был размером с кулак взрослого мужчины, но казался одновременно и больше, и меньше. Он переливался цветами, которых не бывает в природе: фиолетово-чёрным, кроваво-золотым, зелёно-синим — как будто внутри камня горела маленькая вселенная. И в самой глубине, под поверхностью, что-то двигалось. Зрачок. Настоящий, живой зрачок, который повернулся к ним, как только они вошли.

— Не смотри в него, — выдохнул Азарий, отворачиваясь. Но было поздно.

Милана смотрела.

И Око смотрело на неё.

Мир рухнул.

Она стояла не в пещере, а на берегу — но берег этот был другим. Небо здесь было зелёным, а море — красным. И на красном море стояла женщина. Высокая, бледная, с волосами цвета воронова крыла, распущенными по ветру. Её глаза были точно такими же, как камень — с вращающимися внутри зрачками.

«Мама?» — прошептала Милана, потому что узнала её. Не лицом — лицо было чужим, — а запахом. Полынью и молоком. Запахом, который помнил каждый её сон с самого детства.

«Дочь, — ответила женщина. Её губы не двигались, но голос звучал отовсюду. — Ты пришла раньше, чем я ожидала. Но ты не готова».

«Я готова. Я всю жизнь готовилась».

«Ты не знаешь, к чему. Око — не оружие. Око — это дверь. Если ты откроешь её, ты выпустишь не одно чудовище. Ты выпустишь всех, кто спал под этим морем с тех пор, как земля была горячей. Ты уничтожишь мир».

«А если я не открою? Дагон откроет. Или убьёт меня и откроет моей кровью».

Женщина улыбнулась. Печально. Бесконечно печально.

«Тогда ты должна сделать то, чего не делала ни одна жрица до тебя. Ты должна войти в Око сама. Стать его зрачком. Тогда ты сможешь управлять им, но... ты никогда не выйдешь обратно».

Милана открыла глаза.

Она лежала на дне челна, и Азарий тряс её за плечи. Его лицо было в крови — его собственной, повязка разошлась, и алая струйка текла по животу, смешиваясь с водой на дне лодки.

— Ты была в отключении полминуты, — сказал он хрипло. — Ты кричала. На языке, которого я не знаю.

— Я в порядке, — соврала Милана.

Она села и посмотрела на алтарь. Око по-прежнему лежало на костяном троне, но теперь оно пульсировало — медленно, в такт её сердцу. Или это её сердце билось в такт Оку?

— Мы должны взять его, — сказала она.

— Нет. — Азарий схватил её за руку. — Ты не понимаешь. Если ты прикоснёшься к нему, ты умрёшь. Не сразу. Но

ты перестанешь быть собой.

— Я уже перестала, — ответила Милана. — В тот момент, когда Дагон убил отца. В тот момент, когда море сказало моё имя. В тот момент, когда я вытащила тебя с берега. Я больше не собой. Я — тем, кем меня сделали.

Она шагнула из челна в воду. Та была по пояс — тёплая, пахнувшая серой и смертью. Ортан закричал что-то вслед, но она не слышала.

Она шла к алтарю.

Каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Вода словно густела, превращаясь в кисель, в смолу, в живую плоть, которая пыталась удержать её. Десять шагов. Двадцать. Пятьдесят.

Рука почти коснулась камня, когда сзади раздался звук, от которого кровь застыла в жилах.

Плеск. Тяжёлый, мокрый, чавкающий.

Милана обернулась.

Из воды, прямо за кормой челна, поднималось тело. Оно было человеческим только по форме — и то не до конца. Кожа — серая, в наростах, похожих на ракушки. Глаза — белые, без зрачков. Из спины торчали длинные костяные шипы, а вместо пальцев на руках были щупальца — тонкие, прозрачные, с присосками на концах.

— Жених, — прошептал Ортан. — Один из них. Он не умер. Он стал... этим.

Существо повернуло голову в сторону Миланы и раскры-

ло рот. Внутри не было языка, зубов, ничего — только бесконечная чёрная пустота, из которой пахло тысячей смертей.

— Я первый, — сказала оно голосом, похожим на скрежет камня по стеклу. — Я самый старый. Я ждал тебя дольше всех.

Азарий, несмотря на рану, выхватил нож и встал между Миланой и чудовищем. Его трясло, он был бледнее мела, но он стоял.

— Убирайся, — сказал он существу. — Она не твоя.

Существо засмеялось. Смех этот был хуже любого крика.

— А чья же? Твоя, печенег? Ты пришёл сюда умирать из-за девчонки, которую знаешь всего час. Глупый. Смешной. Человечный.

Оно сделало шаг вперёд, и вода вокруг него вскипела. Ортан закричал и закрыл лицо руками. Азарий бросился на чудовище с ножом, но тот легко перехватил его руку и сломал её — хруст костей разнёсся по пещере, как выстрел.

— Нет! — закричала Милана.

И в этот момент Око на алтаре вспыхнуло.

Не светом — тьмой. Абсолютной, полной тьмой, которая вытеснила собой всё. Милана ослепла, оглохла, потеряла чувство тела. Она была нигде. Она была всем.

И в этой тьме она слышала шёпот:

«Прикоснись ко мне. И я дам тебе силу убить его. Прикоснись — и ты станешь богом».

Милана протянула руку.

И коснулась.

Глава 4. Кровь и камень

Прикосновение оказалось обжигающе холодным.

Милана ожидала боли — острой, режущей, как удар ножа. Но то, что пришло, было хуже. Её пальцы встретились с поверхностью Ока, и в следующее мгновение камень исчез. Не упал, не разбился, не провалился сквозь землю. Он вошёл в неё. Растворился в её ладони, как снег в тёплой воде, и по телу по венам вверх — к запястью, к локтю, к плечу, к сердцу.

Она закричала.

Не от боли — от полноты. Внутри неё вдруг оказалось слишком много всего. Слишком много звуков: треск сталактитов, дыхание чудовища за спиной, биение сердца Азария (оно было неровным, сбитым, но сильным), шелест крови в жилах Ортана, даже движение червей в камнях под водой. Слишком много запахов: соль, сера, древняя кровь, страх, отчаяние, надежда. Слишком много воспоминаний, которые не принадлежали ей.

Она увидела женщину с вороновыми волосами — не мать, а ту, что была до матери. И до той, другой. Первую жрицу, ту, которая заключила Око в камень тысячу лет назад. Женщина стояла на том же самом алтаре, но тогда алтарь был новым, а кости — свежими, с остатками плоти. В руках она держала не камень, а нечто живое — пульсирующий комок тьмы, который бился и вырывался.

«Ты будешь спать здесь, — сказала жрица чудовищу, ко-

торое Милана теперь носила внутри. — Спать до тех пор, пока не родится та, чья кровь будет чище моей. Она выпустит тебя. Или не выпустит. Это будет её выбор».

Видение схлопнулось, и Милана открыла глаза.

Пещера изменилась.

Она видела её теперь не только глазами — она видела её кожей, волосами, кончиками пальцев. Каждый камень имел свой голос, каждое движение воды — свой смысл. И чудовище, которое секунду назад возвышалось над Азарием, теперь казалось ей не страшным, а жалким. Недоношенным. Неправильным.

— Ты... — прошептало существо, отступая на шаг. Его белые глаза расширились, и в них впервые появилось нечто, похожее на ужас. — Ты взяла его. Ты взяла Око в себя.

— Оно взяло меня, — поправила Милана. Её голос звучал странно — в нём слышались отголоски тысяч других голосов, мужских и женских, старых и молодых. — Но теперь я хозяйка положения.

Она подняла руку. Та светилась изнутри — не ярко, а тускло, как уголь, который вот-вот погаснет, но ещё хранит жар. И когда она щёлкнула пальцами, чудовище взлетело в воздух, будто его подхватил невидимый кулак.

— Я могла бы убить тебя, — сказала Милана. — Раздавить, как вошь. Растворить в той самой воде, которая сделала тебя таким.

— Так убей, — прохрипело существо. Оно не умоляло.

Оно требовало.

— Нет. — Она опустила руку, и чудовище рухнуло в воду с тяжёлым всплеском. — Ты будешь жить. Ты будешь помнить этот миг. И если кто-то ещё посмеет встать между мной и моей целью, ты расскажешь им, что случилось с тобой. А теперь убирайся.

Существо зашипело, но послушалось. Оно нырнуло в чёрную воду и исчезло, оставив после себя только круги на поверхности и запах тухлых яиц.

Азарий стоял на коленях в воде, прижимая сломанную руку к груди, и смотрел на Милану так, будто видел призрака. Орган плакал — тихо, беззвучно, закрыв лицо ладонями.

— Что ты наделала? — прошептал печенег.

— Спасла нас, — ответила Милана. Но в голосе не было уверенности.

Она шагнула к нему, протянула руку, чтобы помочь встать. И когда её пальцы коснулись его плеча, Азарий вздрогнул — не от боли, а от того, что почувствовал. Её прикосновение было ледяным, но внутри этого холода горело пламя. Пламя, которое узнавало его. Звало.

— Ты дрожишь, — сказала она.

— Ты тоже.

Она опустила взгляд на свои руки. Они действительно дрожали — мелкой, нервной дрожью, которая не имела ничего общего с холодом. Вены на запястьях вздулись и почернели, будто под кожей текла не кровь, а что-то другое. Что-

то древнее.

— Нам нужно выбирать, — сказал Ортан, вытирая лицо рукавом. Его голос дрожал, но в нём прорезалась жёсткость, которой Милана раньше не замечала. — Дагон уже знает, что мы здесь. Он придёт.

— Он уже здесь, — ответила Милана.

Она почувствовала его раньше, чем увидела. Запах ладана и гниющей рыбы. Мерный стук посоха о камень. Тяжёлое, маслянистое присутствие, которое давило на сознание, как мокрая шерсть.

Дагон вышел из тени в дальнем конце грота.

Он был не один. За его спиной стояли шестеро жрецов в чёрных балахонах — безликие, одинаковые, как пальцы на одной руке. У каждого в руке был факел, но свет от факелов не разгонял тьму, а сгущал её, делал плотной, осязаемой.

Сам Дагон выглядел не так, как помнила Милана. Раньше он был просто стариком — худым, высоким, с длинной седой бородой и цепкими глазами. Теперь его лицо покрывали чёрные узоры, похожие на трещины в сухой земле. Глаза стали жёлтыми — точно такими же, как у Азария, но без его тепла. Холодными. Мёртвыми.

— Дитя моё, — сказал он голосом, от которого у Миланы свело желудок. Голос был ласковым, почти отеческим, и именно это делало его таким страшным. — Ты сэкономила мне уйму времени. Я планировал спуститься за Оком через три дня, после ритуала. Но ты принесла его мне сама. Прямо

в крови.

— Око не твоё, — ответила Милана. — И никогда не было.

— О, я знаю. — Дагон усмехнулся. — Око — ничьё. Оно просто существует. И тот, кто сможет им управлять, станет властелином этого берега, этого моря, этих гор. Я ждал этого момента тридцать лет. С тех пор как убил твою мать.

Милана замерла.

Она знала это. Знала всегда, глубоко внутри, в том месте, куда боялась заглядывать. Но услышать это вслух — от человека, который кормил её мёдом и называл «свет очей моих», — было всё равно что получить удар кинжалом в живот.

— Зачем? — спросила она тихо.

— Потому что она не захотела помочь мне. Твоя мать была последней из рода Хранительниц. Она знала, как войти в Око и не сгореть. Но она сказала, что Око нельзя использовать — только хранить. Глупая, ограниченная женщина. Она предпочла смерть величию.

— И ты дал ей его.

— Я дал ей медленный яд. Она умирала три дня. На четвёртый я уже знал всё, что нужно: чтобы Око приняло меня, нужна кровь Хранительницы. Добровольная. Живая.

Он сделал шаг вперёд. И ещё один. Жрецы за его спиной двигались синхронно, как части одного механизма.

— Ты пришла сюда добровольно, Милана. Ты коснулась Ока. Ты уже носишь его в себе. Осталось только одно —

отдать мне свою кровь. По доброй воле. И тогда я отпущу твоего брата. И даже этого пса степного, если он пообещает обратиться с моих земель и никогда не возвращаться.

— Не верь ему, — прохрипел Азарий. — Он убьёт всех. Сразу после того, как получит Око.

— Заткнись, зверёк. — Дагон даже не посмотрел в его сторону. — Ты здесь случайно. Ты — ошибка, которую я исправлю позже.

Милана стояла между алтарём и тремя жрецами, которые медленно сжимали кольцо. Внутри неё пульсировало Око — требовало выхода, жаждало действия. Она чувствовала, как тьма внутри неё тянется к тьме внутри Дагона. Они были родственными. Рождёнными из одного хаоса.

— А если я откажусь? — спросила она.

— Тогда я убью твоего брата. Прямо сейчас. — Дагон щёлкнул пальцами. Один из жрецов выступил вперёд, и в свете факелов Милана увидела, что он держит за шиворот маленькую фигурку.

Орган охнул.

Это была не фигурка. Это был ребёнок. Девочка лет пяти, с тёмными косичками и огромными испуганными глазами. Её звали Лада. Она была дочерью старой ткачихи, которая жила через три дома от Миланы. И сейчас она висела на руке жреца, как тряпичная кукла, и беззвучно плакала.

— Ты же чудовище, — выдохнула Милана.

— Чудовище? — Дагон рассмеялся. — Дитя моё, я только

начинаю. Отродье, которое ты выпустишь своим согласием, сожрёт это чудовище на завтрак. Выбирай. Девочка или твоя гордость.

Милана посмотрела на Азария. Тот стоял с перевязанной рукой, бледный, окровавленный, но его глаза — эти нечеловеческие янтарные глаза — смотрели на неё с чем-то, что она не сразу узнала. С верой.

Он верил в неё.

Он, который знал её всего час. Который имел все основания ненавидеть её народ. Который сам был врагом. Он стоял перед ней и верил, что она сделает правильный выбор.

— Я сделаю это, — сказала Милана. — Но не так, как ты хочешь.

Она закрыла глаза и шагнула внутрь себя.

Око ждало.

Оно было огромным — целая вселенная, заключённая в пространстве между её рёбрами. Там, внутри, не было ни света, ни тьмы — только бесконечное серое ничто, в центре которого пульсировал зрачок.

— Ты хотела мою кровь? — спросила Милана у Дагона, но голос её звучал не из горла — из самой глубины Ока. — Возьми.

Она разорвала вены на обеих руках.

Кровь хлынула не красная — чёрная, густая, пахнувшая звёздами. Она лилась на каменный пол, но не растекалась, а собиралась в лужицы, которые начинали светиться. И в этом

свете Милана увидела то, чего не замечала раньше.

Под пещерой, глубоко под слоями камня и соли, было нечто живое. Огромное. Древнее. Оно спало тысячу лет, но сейчас начало просыпаться — ворочаться, вздыхать, принюхиваться к запаху крови.

— Что ты делаешь? — закричал Дагон. В его голосе впервые прозвучал страх.

— Я делаю выбор, — ответила Милана. — Не твой. Не Ока. Мой.

Она не стала использовать силу, чтобы убить врагов. Она не стала призывать чудовищ на помощь. Она сделала то, чего никто не ожидал.

Она позвала море.

Вода в пещере взревела. Не волной — цунами, стеной, которая снесла жрецов с ног, погасила факелы, разметала их по стенам, как сухие листья. Дагон устоял — он вцепился в сталактит и держался, шипя от ярости. Но вода прибывала. Быстро. Слишком быстро.

— Ты утопишь всех нас! — заорал он.

— Только тех, кто заслужил, — ответила Милана.

Она подхватила Ладу — девочка уже захлебнулась, но Милана вдохнула в её лёгкие воздух, взятый из самой глубины Ока. Ребёнок закашлялся, открыл глаза и заплакал — громко, звонко, по-живому.

— Ортан! — крикнула Милана. — Бери её и плыви к выходу!

Брат не стал спорить. Он схватил девочку, перекинул через плечо и нырнул в воду, которая уже поднялась до пояса. Азарий попытался последовать за ним, но его сломанная рука не слушалась, а вода была скользкой и тяжёлой.

— Держись, — сказала Милана, подхватывая его здоровой рукой.

— Ты... ты убиваешь себя, — прошептал он, глядя на её запястья, из которых всё ещё сочилась чёрная кровь. — Око пожирает тебя изнутри.

— Я знаю. — Она улыбнулась. Впервые за этот долгий, страшный день. — Но не сегодня.

Вода поднялась до груди, когда они добрались до челна. Чёлн, чудом уцелевший, бился о каменную стену, как бешеный конь. Милана втокнула Азария внутрь, сама забралась следом и схватила вёсла.

Дагон стоял по шею в воде и смотрел на них. Его чёрные узоры светились в темноте, как угли.

— Ты думаешь, это конец? — крикнул он сквозь рёв воды. — Ты думаешь, море на твоей стороне? Море ни на чьей стороне, глупая девчонка! Оно просто ждёт. И когда ты умрёшь — а ты умрёшь, и скоро — я приду за твоим телом. И вырежу Око из твоей груди собственными руками!

Милана не ответила. Она гребла. Изо всех сил, разрывая ладони о дерево, выплёвывая кровь, которая поднималась из горла — тёмная, с крупинками чёрного песка.

Они вылетели из пещеры в тот самый момент, когда свод

обрушился. Камни рухнули в воду с грохотом, от которого заложило уши, и подняли волну, которая вынесла чёлн на открытую воду, как пробку.

Снаружи был день. Яркий, солнечный, невозможный после той тьмы, что осталась позади.

Милана упала на дно чёлна, глядя в небо. Оно кружилось. Всё кружилось.

— Не закрывай глаза, — услышала она голос Азария. Он был рядом, его здоровую руку она чувствовала на своей щеке — горячую, шершавую, живую. — Слышишь? Не смей закрывать глаза.

— Красивое небо, — прошептала Милана. — Я никогда не замечала, какое оно красивое.

— Ты увидишь его ещё много раз. Только держись.

Но она уже не держалась. Она падала. Падала внутрь себя, туда, где Око раскрывалось, как цветок, и готовилось поглощать её целиком.

А на берегу, у самой кромки воды, стоял Дагон — мокрый, чёрный, бешеный. И смотрел им вслед с улыбкой, от которой стыла кровь.

Он знал, что они вернутся. Потому что Око, однажды войдя в человека, начинает тянуть его обратно. К себе. К тому месту, где родилось. К морю.

И море ждало.

Глава 5. Берег двух кровей

Чёлн ткнулся носом в песок западнее посёлка, там, где бе-

рег делал крутой излом и скалы нависали над водой, как стена великаньей крепости. Это место называлось Берегом Двух Кровей — когда-то давно здесь синды и печенегы заключили перемирие, смешав свою кровь в одной чаше и выпив её под луной. Перемирие продержалось три года. Потом кто-то кого-то убил, и чашу разбили, а осколки до сих пор находили в песке — острые, с засохшими бурыми пятнами.

Ортан выпрыгнул первым, увлекая за собой Ладу. Девочка уже перестала плакать и только тихо всхлипывала, вцепившись в его шею маленькими пальцами. Её тёмные косички облепили лицо, и она походила на утонувшего котёнка — жалкого, мокрого, но живого.

— Жива, — выдохнул Ортан, опуская ребёнка на песок.
— Жива, слава богам.

— Не благодари богов, — сказала Милана, пытаясь подняться. Голова кружилась так, что мир плыл перед глазами, как отражение в ряби. — Благодарю чудо. Или проклятие. Я пока не решила.

Азарий выбрался из челна последним — неуклюже, одной рукой, потому что вторая висела плетью. Его лицо было серым, как осеннее небо, но он держался на ногах, хотя каждое движение давалось с хрустом и шипением.

— Нам нужно укрытие, — сказал он, оглядываясь. — Дагон не оставит нас. Он пошлёт за нами не жрецов — он пошлёт своих псов. А те умеют нюхать кровь за три поприща.

— Знаю место, — ответила Милана, опираясь на его пле-

чо. Даже через одежду она чувствовала жар его тела — лихорадочный, опасный. — У подножия скалы есть расщелина. Отец прятал там нас с Ортаном, когда степняки нападали. Внутри — родник и запас сушёной рыбы.

— Степняки — это мы, — хмыкнул Азарий без тени улыбки.

— Я знаю. Но тогда я была маленькой и не знала, что враги — тоже люди. — Она посмотрела на него долгим взглядом. — Теперь знаю.

Расщелина оказалась тесной — приходилось протискиваться боком, прижимаясь к холодному камню. Лада, которую Ортан нёс на руках, зажмурилась и прижалась к нему, как к родному. Азарий замыкал шествие, и Милана слышала его прерывистое дыхание — каждый выдох давался ему с присвистом.

Внутри расщелина расширялась, образуя небольшую пещеру. С потолка свисали корни, сквозь которые сочилась вода — капля за каплей, собираясь в каменную чашу, выдолбленную самой природой. На дне чаши поблёскивал чистый, прозрачный ключ, пахнувший мятой и землёй. В углу лежали охапки сухой травы — старые лежанки, которые помнили ещё отца Миланы.

— Здесь, — сказала она, опускаясь на траву. — На сегодня это наш дом.

Ортан развёл огонь — на этот раз не кремнем, а огнивом, которое хранилось в тайнике за камнем. Пламя вспыхнуло

не сразу, но, когда разгорелось, осветило пещеру тёплым, живым светом. Тени заплясали по стенам, и на мгновение Милане показалось, что среди них есть и другие — те, кто прятался здесь до неё. Предки. Мёртвые. Те, кто не дожил до сегодняшнего дня.

— Давай твою руку, — сказала она Азарию.

— Не надо. Я сам.

— Ты не сам. Ты никогда больше не будешь сам. Смирись.

Она взяла его сломанную руку и начала осторожно ощупывать кость. Азарий закусил губу, но не издал ни звука — только мышцы на его лице напряглись, как канаты.

— Перелом чистый, — сказала Милана. — Лучевая кость. Я могу вправить.

— Ты лекарь?

— Я жрица. А жрицы знают о костях больше, чем лекари. Потому что мы чаще их ломаем — в ритуальных плясках.

Она действовала быстро и жёстко — рывок, хруст, и Азарий всё-таки закричал. Коротко, сквозь зубы, но закричал. Лада вздрогнула и спрятала лицо в коленях Ортана.

— Всё, — сказала Милана, накладывая шину из двух прямых веток и перевязывая её полосой от своей туники. — Теперь шесть дней не двигать. И будешь как новый.

— Через шесть дней Дагон либо убьёт нас, либо мы убьём его. — Азарий опустил голову на траву и закрыл глаза. — Так что это неважно.

Она хотела ответить, но слова застряли в горле. Око внут-

ри неё вдруг дёрнулось — резко, болезненно, как зародыш в утробе. Милана зажала рот рукой, чтобы не закричать. Чёрная кровь снова пошла из носа — горячая, густая.

— Милана, — Ортан подскочил к ней, вытирая её лицо краем своей рубахи. — Что с тобой? Ты умираешь?

— Нет. — Она отстранилась, хотя каждое движение давалось с трудом. — Око привыкает ко мне. Как дикий конь к седоку. Сначала больно. Потом легче.

— А если не легче?

— Тогда я умру. Но не сегодня.

Она отползла в угол, подальше от света, и села, обхватив колени руками. Тело ломило, вены пульсировали чёрным огнём, но хуже всего было другое — внутри неё звучали голоса. Много голосов. Они говорили на разных языках, но все просили об одном: выпусти нас. Дай нам выйти. Мы дадим тебе силу. Мы дадим тебе всё, что ты захочешь.

«Я хочу, чтобы вы замолчали», — подумала она.

Голоса затихли. На секунду. Потом зашептали снова — тише, вкрадчивее, как любовники, уговаривающие на запретное.

— Эй.

Она подняла голову. Азарий стоял перед ней — шатаясь, бледный, но упрямый.

— Я сказал — не двигаться, — устало произнесла Милана.

— А я сказал, что не слушаюсь жриц. — Он опустил

на короточки напротив неё. В свете костра его жёлтые глаза казались расплавленным золотом. — Ты слышишь их, да? Голоса внутри.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что Око было в моём роду триста лет. Мы не носили его в себе — мы хранили его в ларце из рога единорога. Но даже так, на расстоянии, оно шептало. Говорило, что мы — боги. Что мир — наша добыча. Что мы можем взять всё.

— И вы брали?

— Иногда. И каждый раз потом жалели. Потому что Око даёт не силу — оно даёт желание силы. А это разные вещи.

Милана посмотрела на свои руки. Чёрные вены вздулись теперь не только на запястьях — они поднимались выше, к локтям, рисуя под кожей причудливые узоры, похожие на ветви деревьев.

— Красиво, — сказала она без иронии. — Как татуировки наших воинов. Только эти — от смерти.

— Не от смерти. — Азарий взял её за руку — осторожно, как хрупкую вещь. — От выбора. Ты могла оставить Око в пещере. Ты могла отдать его Дагону и попытаться сбежать, пока он отвлёкся. Но ты взяла его в себя. Почему?

— Потому что я трусиха.

— Ты — нет.

— Трусиха, — повторила она. — Я испугалась, что Дагон убьёт Ладу. Испугалась, что убьёт тебя. Испугалась, что Ор-

тан останется один. И вместо того, чтобы придумать умный план, я сделала первую попавшуюся глупость — сунула руку в огонь.

— И теперь ты горишь.

— И теперь я горю. — Она подняла на него глаза. В них стояли слёзы — не от слабости, от ярости. — Но пока я горю, я вижу то, чего не видела раньше. Я вижу пути. Я вижу, что Дагон задумал не просто убить меня. Он хочет использовать моё тело как сосуд. Он хочет стать Оком сам. А для этого ему нужна моя кровь — вся, до последней капли.

— И ты знаешь, как его остановить?

— Знаю. — Она помолчала, собираясь с мыслями. — В видении, когда я коснулась Ока, Первая Жрица сказала мне: только тот, кто готов умереть, может по-настоящему жить. Я не поняла тогда. Теперь — кажется, начинаю.

— Объясни.

— Дагон боится смерти. Он всю жизнь строил планы, копил силу, убивал людей — всё, чтобы отсрочить свой конец. Он не готов умереть. Поэтому Око никогда не подчинится ему полностью. Оно чувствует страх. А я... — Она запнулась. — Я, кажется, готова. Не потому, что хочу умереть. А потому, что поняла: жить, предав тех, кого любишь, — это не жизнь. Это хуже смерти.

Азарий молчал долго. Так долго, что Милана уже подумала — он уснул с открытыми глазами. Но потом он сказал тихо, почти неслышно:

— Моя мать была такой же. Она сказала синдам, которые ворвались в её юрту: «Убейте меня, но не трогайте детей». Её убили. Детей — тоже. Она не спасла никого. Но я вырос и поклялся, что её смерть не будет напрасной.

— И как ты выполняешь клятву?

— Я живу. — Он посмотрел на неё, и в его глазах не было ненависти. Только усталость. Бесконечная, вековая усталость человека, который слишком долго нёс на плечах тяжесть мёртвых. — Я живу и помню. Каждый день. Каждый час. Я не стал убивать всех синдов подряд, хотя мог. Я стал ждать. Искать настоящего виновного. Тех, кто отдал приказ. Дагона.

— А если Дагон умрёт? Что ты будешь делать?

— Не знаю. — Он пожал плечом здоровой рукой. — Наверное, умру. Или уйду в степь и буду пасти коней до старости. Или женюсь на глупой синдийской девчонке, которая суёт руку в древний артефакт и думает, что это нормально.

Милана фыркнула — неожиданно для себя. В этом звуке не было ни истерики, ни боли, только чистое, искреннее удивление.

— Ты смешной, печенег.

— А ты красивая, когда не истекаешь кровью.

Она хотела обидеться, но не смогла. Впервые за долгое время — может быть, впервые в жизни — она почувствовала себя не жрицей, не дочерью, не жертвой. Просто девушкой, которая сидит у костра с раненым мужчиной, и за сте-

ной пещеры шумит море, а внутри неё — целая вселенная, которую можно либо принять, либо отвергнуть.

— Нам нужно поспать, — сказала она, отводя взгляд. — Завтра будет трудный день.

— Они все трудные, когда ты носишь в груди глаз древнего чудовища.

— Умник.

Она легла на траву, спиной к нему. Спиной, но не закрываясь — потому что чувствовала тепло его тела даже на расстоянии. Или это Око так чувствовало? Она уже не понимала, где заканчивается она и начинается камень.

— Милана, — позвал он тихо, когда огонь почти догорел.

— Мм?

— Спасибо. Что не дала мне умереть на том берегу.

Она не ответила. Но губы её дрогнули в улыбке — той самой, которую прячут в темноте, потому что стыдно показывать.

Лада спала в обнимку с Органом, который убаюкивал её тихим шёпотом — старую синдийскую колыбельную о рыбаке, который уплыл в море и не вернулся. Голос брата дрожал, но был нежным — таким, каким Милана не слышала его много лет.

«Море синее, море чёрное,

Не бери дитя моё,

Вернись, рыбак, на берег,

Поцелую тебя в уста...»

Странно было слышать эту песню здесь, в пещере, среди беглецов и врагов, под рокот волн, которые, возможно, уже искали их. И странно было чувствовать, как внутри, под слоем чёрной тьмы, ворочается что-то тёплое и живое — не Око, а что-то другое. Человеческое. Слишком человеческое.

Она заснула под эту песню. И во сне увидела не море, не Дагона, не древних чудовищ. Она увидела степь. Бесконечную, золотую, колышущуюся под ветром, как шерсть огромного зверя. И на краю этой степи стоял Азарий на белом коне. Он протягивал ей руку.

— Пойдём, — сказал он. — Там, за горизонтом, никто не знает, кто ты. Там ты можешь быть просто человеком.

— Я не умею быть просто человеком, — ответила она.

— Научу.

Она проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Ортан. Его лицо было белым, как мел.

— Сестра, — прошептал он. — Там. Снаружи. Они нашли нас.

Милана села, и Око внутри неё распахнулось, как глаз в темноте. Она увидела сквозь каменные стены — тени. Много теней. Они окружали расщелину со всех сторон, двигались бесшумно, как призраки. И впереди всех шёл человек с чёрными узорами на лице.

Дагон пришёл за ней. Не один. С целой армией своих псов.

— Вставай, Азарий, — сказала Милана, поднимаясь на ноги. — Сегодня мы будем драться за свою жизнь.

— Сегодня? — переспросил печенег, хватаясь здоровой рукой за нож. — Я думал, завтра.

— План изменился. — Она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то от древней жрицы, которая смотрит смерти в лицо без страха. — Оказывается, завтра не наступает так быстро, как хотелось бы.

Из расщелины донёсся голос Дагона — спокойный, ласковый, убийственно вежливый:

— Выходи, дитя. Я принёс тебе подарок. Голову твоего друга Хилона, того самого, что дал тебе лодку. Он умер быстро. Обещаю, ты проживёшь дольше.

Милана закрыла глаза.

И когда открыла их снова, в них не было ничего человеческого.

— Орган, — сказала она. — Закрой уши Ладе. И не смотри.

— Почему?

— Потому что то, что я сейчас сделаю, не для детских глаз. И не для твоих, если честно.

Она шагнула к выходу из пещеры. И тьма внутри неё запела.

Глава 6. Танец на костях

Первый шаг за пределы расщелины дался Милане легче,

чем она ожидала. Тело двигалось само, словно кто-то другой управлял им изнутри — кто-то более древний, более гибкий, более жестокий. Ноги ступали бесшумно, руки висели вдоль тела, но пальцы чуть подрагивали, готовые сжаться в кулаки или вычертить в воздухе знак, которого она не знала, но чувствовала всеми костями.

Луна стояла высоко — тонкий серп, похожий на коготь, сошедший с небес, чтобы полоснуть по горлу ночи. Её свет падал на берег неровными полосами, превращая песок в серебро, а камни — в тени. Море дышало тяжело и часто, будто тоже готовилось к битве.

Дагон ждал её в тридцати шагах от входа в пещеру.

Он стоял на плоском валуне, покрытом лишайником, и его чёрные узоры светились в лунном свете, как трещины в раскалённой глине. За его спиной выстроились два десятка воинов — не жрецов, а настоящих бойцов, наёмников из дальних земель, которых он нанял за золото и посулы. У каждого был меч, у каждого — щит, у каждого — пустые, мёртвые глаза людей, которые продали не только руки, но и души.

— Ты вышла, — сказал Дагон, и в голосе его звучало удовлетворение. — Я боялся, что придётся заходить за тобой. А в пещерах я не силен. Слишком сыро. Слишком много камней, которые могут упасть на голову.

— Ты убил Хилона, — сказала Милана. Голос её звучал ровно, но внутри, в том месте, где жило Око, клокотала ярость. — Старика, который никому не желал зла.

— Старика, который помогал тебе. — Дагон пожал плечами. — Помощники врага — тоже враги. Это закон войны. — Это не закон. Это трусость.

Дагон рассмеялся — тихо, с присвистом.

— Трусость, дитя моё, это бежать от судьбы. А я — я иду ей навстречу. Как и ты, кстати. — Он сделал шаг вперёд, и воины за его спиной синхронно переступили с ноги на ногу. — Отдай мне Око. Добровольно. И я обещаю, что твоя смерть будет быстрой. Твой брат и девочка останутся живы. Даже пёс степной получит коня и возможность убратся во-сво-сяси.

— А если я откажусь?

— Тогда умрёшь медленно. Твои друзья — быстро. А потом я всё равно вырежу Око из твоего трупa. Разница только в том, сколько криков услышат эти скалы.

Милана опустила глаза на свои руки. Чёрные вены вздулись теперь до самых плеч, и кончики пальцев слабо светились — тусклым, синеватым светом, похожим на гнилушки в болоте.

— Ты знаешь, — сказала она, поднимая взгляд, — я всю жизнь боялась. Боялась отца, боялась жрецов, боялась моря, боялась темноты. Боялась, что я недостаточно хороша. Боялась, что мои видения — это сумасшествие. Боялась, что я никому не нужна.

— И что же изменилось?

— Я перестала бояться. — Она улыбнулась. И улыбка эта

была страшнее любого оскала. — Потому что тот, кто носит в себе глаз древнего чудовища, не имеет права на страх. Страх — это слабость. А слабых Око пожирает первыми.

Она подняла правую руку, разжала ладонь — и из центра её ударил луч тьмы. Не света — тьмы. Густой, осязаемой, холодной тьмы, которая устремилась к ближайшему воину быстрее мысли.

Он даже не успел закричать.

Тьма вошла в него через глаза, уши, рот — через каждую пору на коже. На секунду тело наёмника замерло, выгнулось дугой, а потом рухнуло на песок, обратившись в горсть серого пепла, который ветер тут же развеял над морем.

— Следующий, — тихо сказала Милана.

Воины дрогнули. Дагон — нет. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на происходящее с лёгким, почти скучающим интересом.

— Впечатляет, — сказал он. — Но цена, которую ты платишь за эту силу, видна невооружённым глазом. Посмотри на свои руки, девочка.

Милана опустила взгляд. И похолодела.

Рука, которой она только что убила человека, больше не была человеческой. Кожа на ней побелела, потрескалась, как старая глина, и сквозь трещины сочилась чёрная слизь. Пальцы удлинились, ногти превратились в когти — острые, загнутые, как у ночного хищника.

— Око меняет тебя, — продолжал Дагон. — Каждое ис-

пользование — шаг к тому, чтобы перестать быть собой. Ещё пара таких ударов — и ты превратишься в то же самое, что плавало в пещере. В жениха. В чудовище. В раба собственной силы.

— Лучше быть чудовищем, чем твоей жертвой, — ответила Милана, но в голосе уже не было прежней уверенности.

Она чувствовала, как Око внутри неё смеётся. Торжествует. Оно хотело, чтобы она убивала. Хотело, чтобы она превращалась. Хотело, чтобы человеческая оболочка треснула и выпустила его на свободу.

«Ещё раз, — шептал голос в голове. — Всего один раз. Убей его. Убей их всех. И ты станешь свободной».

Свободной. Смешно. Она никогда не была менее свободной, чем сейчас.

— Азарий, — позвала она, не оборачиваясь. — Ты хотел знать, каково это — носить Око в себе. Смотри. И помни, что ты просил эту силу для своего народа.

Печенег вышел из расщелины — бледный, с перевязанной рукой, но с ножом наготове. За его спиной прятались Орган и Лада. Орган зажимал девочке рот ладонью, чтобы она не закричала.

— Милана, — сказал Азарий тихо. — Ты можешь остановиться. Мы можем уйти.

— Куда? — Она обернулась к нему, и он увидел её лицо в полном свете луны. Половина его — левая, где начинались чёрные вены — уже не была человеческой. Кожа там посе-

рела и натянулась на скулах, как пергамент. Глаз подёрнулся белой пеленой. — Море везде. Дагон везде. Око везде. Единственный способ закончить это — закончить его.

Она повернулась к Дагону и сделала шаг. Второй. Третий.

Воины расступились перед ней — не от храбрости, от животного ужаса. Они видели, как их товарищ превратился в пепел. Они не хотели повторить его судьбу.

Дагон стоял на месте.

— Боишься? — спросила Милана, подходя на расстояние вытянутой руки.

— Нет. — Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то материнское, ласковое, отвратительное. — Я ждал этого момента тридцать лет. Я хочу видеть, как ты упадёшь.

Она замахнулась искажённой рукой, чтобы нанести удар — последний, решающий, который должен был превратить Дагона в пепел, как и того наёмника. Но на полпути рука остановилась.

Милана не могла ею двигать.

Она вообще не могла двигаться. Тело стало чужим, тяжёлым, неподъёмным — как каменная глыба. Даже дышать получалось с трудом.

— Что... — прошептала она.

— Око не хочет убивать меня, дитя. — Дагон приблизился к ней вплотную. — Ты думала, ты управляешь им? Нет. Оно управляет тобой. А я служу ему дольше, чем ты живёшь. Я знаю его желания. Я знаю его слабости. И я знаю, что оно

никогда не позволит тебе причинить мне вред — потому что я — тот, кто приносит ему жертвы. Ты — всего лишь сосуд. Красивый, но пустой.

Он протянул руку и коснулся её щеки. Пальцы у него были холодными — холоднее мёртвой рыбы. Но от этого прикосновения по телу Миланы разлился жар. Око внутри неё забилося, как птица в клетке.

— Отойди от неё, — раздался голос Азария.

Он стоял в трёх шагах, с ножом в здоровой руке. Его шатало, глаза блестели лихорадочным блеском, но он стоял.

— Ты смешон, — бросил Дагон, не оборачиваясь. — Ты едва стоишь на ногах. Что ты сделаешь этим игрушечным ножом?

— Убью тебя. — Азарий шагнул вперёд. — Или умру сам. Мне без разницы.

— Вот это мне нравится. — Дагон наконец повернулся к нему. — Человек, которому без разницы. Редкость в наши дни. Жаль, что ты умрёшь первым.

Он щёлкнул пальцами, и двое воинов бросились на Азария. Но печенег, несмотря на рану, двигался с пугающей скоростью — он ушёл в сторону, пропустил первый удар мимо себя, полоснул ножом второго по ногам. Тот закричал и упал, зажимая рассечённую артерию.

Первый воин развернулся, занося меч для нового удара. Азарий понимал, что не успеет уклониться — рука не слушалась, ноги подкашивались. Но в тот момент, когда лезвие

должно было войти в его грудь, случилось нечто неожиданное.

Меч замер в дюйме от его сердца.

Воину в горло вцепилась Лада.

Маленькая девочка с тёмными косичками висела на спине наёмника, как бешеная кошка, и вонзала зубы в его шею с такой силой, что брызнула кровь. Воин заорал, сбросил её на песок, но Азарий уже воспользовался моментом — всадил нож точно под рёбра, в сердце.

Второй наёмник был мёртв, не успев понять, что произошло.

— Хорошая девочка, — выдохнул Азарий, поднимая Ладу на руки. Она улыбалась — окровавленными губами, по-детски счастливо. — Ты спасла мне жизнь.

— Ты хороший, — сказала Лада. — Не дай плохому дяде забрать тётю Милану.

Дагон скривился.

— Достаточно, — сказал он. — Я хотел красивой смерти для всех, но вы не оставляете мне выбора. — Он поднял руки к небу и начал говорить на языке, которого Милана не знала — гортанным, шипящем, похожем на треск костра.

Земля под ногами задрожала.

Из песка, из камней, из самой глубины берега начали выползать тени. Не те, что были воинами, — другие. Старые. Гнилые. Это были мертвецы — те, кто тысячу лет лежал в земле, кто умер на этом берегу насильственной смертью и

не нашёл покоя. Они поднимались, хрустя костями, и тянули руки к живым.

— Некромантия, — прошептал Азарий. — Он поднял мёртвых.

— Нет, — ответила Милана. Она всё ещё стояла неподвижно, но голос её звучал твёрже. — Он не поднял их. Он разбудил то, что спало в них. Злость. Боль. Жажду мести.

— Какая разница?

— Такая, что ими можно управлять.

Она закрыла глаза — и снова шагнула внутрь. В Око.

На этот раз она не пыталась взять силу. Она попыталась договориться.

«Я знаю, чего ты хочешь, — сказала она тьме. — Ты хочешь выйти. Ты хочешь быть свободным. Но если ты выйдешь сейчас, через меня, ты сожжёшь моё тело за минуту. И останешься без сосуда. Без глаз. Без рук. А Дагон заберёт тебя и заточит в камень снова».

Тьма заколебалась.

«Я предлагаю сделку, — продолжила Милана. — Ты даёшь мне силу ровно на столько, чтобы убить Дагона и его воинов. Не больше. После этого я найду способ выпустить тебя — не через смерть, через жизнь. Я найду новое тело. Сильное. Добровольное. А пока — ты мой союзник, а не мой хозяин».

Тишина.

А потом тьма ответила. Не словами — ощущением. Одоб-

рением.

Милана открыла глаза.

Тело больше не было чужим. Оно стало её — но лучше. Быстрее. Сильнее. Чёрные вены всё ещё покрывали кожу, но теперь они не пульсировали болью — они пели.

Она посмотрела на Дагона.

— Твоя очередь, жрец.

И бросилась вперёд.

То, что произошло дальше, нельзя было назвать боем. Это был танец. Милана двигалась между мертвецами, как вода между камнями — они не успевали её коснуться, потому что она была везде и нигде одновременно. Рука, превратившаяся в коготь, рвала гнилую плоть. Ноги отбрасывали скелетов в сторону. Она не убивала — она растворяла. Каждый мертвец, которого она касалась, рассыпался в прах, потому что Око не терпело рядом с собой другой тьмы, кроме своей.

Дагон отступал.

Он пытался читать заклинания, но слова застревали в горле. Пытался призвать новых слуг, но земля молчала — она уже отдала всех, кого могла. Пытался бежать, но Милана настигала его с каждым шагом.

— Стой! — закричал он, когда она схватила его за горло и приподняла над землёй. — Стой, я всё отдам! Золото! Власть! Артефакты! Я сделаю тебя царицей!

— Я не хочу быть царицей. — Милана сжала пальцы. — Я хочу, чтобы моя мать ожила. Ты можешь это сделать?

— Нет... — прохрипел Дагон.

— Тогда зачем ты мне нужен?

Она уже занесла руку для последнего удара, когда в голове что-то щёлкнуло. Око дёрнулось — не согласно, а предупреждая.

«Не убивай его, — услышала она голос — не свой, не тьмы, а тот, первый, который сказал ей правду в пещере. — Если он умрёт, цепь порвётся. Существо на дне проснётся окончательно. Ему нужен смотритель. Пока жив Дагон — оно спит».

— Что? — прошептала Милана.

— Что слышала, — ответил голос. Это была та самая женщина с вороновыми волосами. Первая жрица. — Дагон — ключ к клетке. Если ключ сломать, дверь откроется. Не сейчас. Не так.

Милана опустила руку.

Дагон рухнул на песок, хватая ртом воздух. Его чёрные узоры потускнели, стали серыми, как старая зола. Глаза остекленели.

— Убирайся, — сказала она ему. — Убирайся с этого берега и никогда не возвращайся. Если я увижу тебя снова — я убью тебя. Несмотря ни на какие цепи и клетки. Клянусь морем.

Дагон поднялся, шатаясь. Его воины — те, кто ещё оставался в живых — уже бежали. Мертвецы лежали грудой костей. Берег пах смертью и солью.

— Ты пожалеешь, — сказал Дагон, пятась к воде. — Ты ещё пожалеешь, глупая девчонка. Око не прощает предательства. Оно сожрёт тебя изнутри. И когда ты будешь умирать, помяни мои слова: я приду. И буду смеяться.

Он развернулся и пошёл в воду. И вода приняла его — не утопила, не отбросила, а именно приняла, как мать принимает заблудшего сына. Он уходил под волны, и с каждым шагом его чёрные узоры загорались снова — тускло, но уверенно.

— Он уплыл, — сказал Азарий, подходя к Милане. — Почему ты не убила его?

— Потому что я не хочу просыпаться по ночам от криков того, что спит на дне. — Она опустилась на песок, обессиленная. Её рука снова стала человеческой — бледной, израненной, но своей. — Иногда оставить врага в живых — это не слабость. Это мудрость.

— Или глупость.

— Или глупость, — согласилась она. — Время покажет.

Она легла на спину и уставилась в небо. Луна уже клонилась к закату, звёзды гасли одна за другой. На востоке занялся розовый рассвет — новый день, новая жизнь, новое проклятие.

Орган подошёл и сел рядом. Лада примостилась у него на коленях и уже спала — безмятежным детским сном, будто только что не вгрызалась в горло взрослому мужчине.

— Что теперь? — спросил брат.

— Теперь, — сказала Милана, — мы будем учиться жить с тем, что внутри меня. И готовиться к тому, что Дагон вернётся. Потому что он вернётся. Обязательно.

— Откуда ты знаешь?

— Око знает. — Она закрыла глаза. — А я — я просто слушаю.

Волны накатывали на берег, смывая кровь и пепел. Море успокаивалось. И в этой тишине Милана впервые за долгое время почувствовала не боль, не страх, не ярость. А странное, щемящее чувство, похожее на начало чего-то нового.

Или на конец.

Она ещё не знала, что именно.

Глава 7. Чёрный восход

Солнце взошло не золотым, как обычно, а багровым — тяжёлым, больным, похожим на нарыв, который вот-вот лопнет. Небо над морем было цвета старой бронзы, и даже чайки летали низко, тревожно, будто боялись подниматься выше скал.

Милана сидела на песке, обхватив колени руками, и смотрела на воду. Дагон ушёл под волны три часа назад, но ей всё ещё казалось, что она видит его тень — чёрную, скользкую, движущуюся где-то на границе видимого мира.

— Ты так и не поспала, — сказал Азарий, опускаясь рядом.

Он перевязал руку заново — криво, но туго, и теперь мог шевелить пальцами. Лицо его осунулось за ночь, под глаза-

ми залегли синие тени, но взгляд оставался ясным. Слишком ясным для человека, который потерял столько крови.

— Не могла, — ответила Милана. — Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу их. Тех, кого убила.

— Ты защищала себя.

— Я превратила человека в пепел, Азарий. Я смотрела, как его кожа чернеет, трескается и осыпается, как сухая листва. Я чувствовала его страх — не в Оке, в себе. Он был таким же, как я. У него, наверное, была семья. Дети.

— У наёмников, которые служат Дагону, нет семей. — Азарий говорил жёстко, но без жестокости. — Они продали свои души за золото. Или за обещание бессмертия. Такие люди не заводят детей — они боятся, что дети будут похожи на них.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я мог стать таким. — Он помолчал. — После смерти матери я хотел убивать всех. Не разбирая. Старых, молодых, женщин, младенцев. Я думал, что месть — это единственное, что имеет смысл. Но потом я встретил старого шамана в степи. Он сказал мне: «Если ты убьёшь всех, кто тебя обидел, ты станешь пустым. А пустота — это не месть. Это смерть при жизни».

— И что ты сделал?

— Я научился ждать. — Он повернулся к ней, и в его глазах отразилось багровое солнце. — Оказалось, что ждать труднее, чем убивать. Но правильнее.

Милана долго молчала. Песок под ней был ещё тёплым от ночного костра, но в воздухе уже повеяло утренней свежестью — запахом мокрых камней, водорослей и чего-то далёкого, степного, полынного.

— Ты когда-нибудь убивал? — спросила она наконец. — Не в бою. Не защищаясь. Просто... потому что мог?

Азарий не ответил сразу. Он смотрел на море, и Милана видела, как напряглись его плечи — даже под повязкой.

— Да, — сказал он тихо. — Один раз. Пленного. Он был ранен, не мог говорить, не мог двигаться. Его должны были пытаться, чтобы узнать, где прячется его отряд. Я перерезал ему горло ночью, пока стража спала.

— Зачем?

— Потому что он смотрел на меня. Не с ненавистью. Не со страхом. Он смотрел на меня, как человек на человека. И я понял, что не хочу знать, где его отряд. Не хочу, чтобы его убивали медленно. Я хотел, чтобы всё закончилось.

— И что тебе за это было?

— Мой отец — приёмный, тот, кто вырастил меня после смерти матери — хотел казнить меня за предательство. Но шаман заступился. Сказал, что воин, который умеет жалеть врага, — это воин, который не бросит своего в бою. Отец послушался. А через год его убили. Тоже свои.

— И ты остался один.

— Я всегда был один. До сегодняшней ночи.

Он посмотрел на неё так, что у Миланы перехватило ды-

хание. В этом взгляде не было ни вожделения, ни нежности — было что-то другое. Узнавание. Будто они встретились не вчера на мокрой гальке, а тысячу лет назад, в другой жизни, и всё это время искали друг друга.

— Ты не должна была этого говорить, — прошептала она.

— Почему?

— Потому что теперь я не смогу тебя забыть. Даже когда Око сожрёт меня. Даже когда я превращусь в чудовище. Твои слова останутся во мне. И это сделает мою смерть ещё более болезненной.

— Тогда не умирай.

— Не я решаю.

Она встала, отряхнула песок с туники и направилась к расщелине, где спали Ортан и Лада. Азарий остался сидеть на берегу, глядя ей вслед. Ветер трепал его чёрные волосы, и он казался частью этого дикого, неприрученного берега — камнем, который море точит тысячи лет, но так и не может сломать.

В пещере было душно и темно. Лада спала на траве, свернувшись калачиком, и тихо посапывала. Ортан сидел у входа с ножом в руке и клевал носом — он пытался караулить, но сон одолевал его.

— Ложись, — сказала Милана, забирая нож. — Я постою.

— Ты ранена, — возразил он, но без особой убеждённости.

— Все мы ранены. Ложись.

Брат послушался, свернулся рядом с Ладой и заснул мгновенно — как провалился в колодец. Милана смотрела на его лицо, такое юное, почти детское, и чувствовала, как внутри поднимается что-то тёплое и одновременно болезненное. Он был единственным, кто остался у неё из семьи. Единственным, ради кого она готова была сражаться до конца.

«И ради него тоже», — подумала она, вспомнив янтарные глаза на берегу.

Она села у входа, положив нож на колени, и закрыла глаза. Не спать — просто слушать. Око внутри неё гудело, как пчелиный рой, но теперь этот гул не пугал. Он был частью её, как дыхание, как биение сердца.

«Что ты такое?» — спросила она мысленно.

Ответ пришёл не словами — образами.

Она увидела огромную тушу, лежащую на дне моря. Не рыбу, не змея, не чудовище из легенд — нечто, не имеющее формы, меняющее её каждое мгновение. Оно было старым. Настолько старым, что помнило время, когда суша и вода были едины, когда не было ни неба, ни земли — только бесконечный океан тьмы и холода.

«Ты — его глаз, — поняла Милана. — Ты — то, чем оно видит мир».

«Да, — ответил камень. — И ты — моя новая роговица. Пока ты жива — я вижу. Когда ты умрёшь — я ослепну. Навсегда».

«И поэтому ты не хочешь, чтобы я умирала?»

«Я не хочу, чтобы ты умирала, пока не найдёшь мне новое тело. Ты обещала».

«Обещала».

Она открыла глаза. В пещере было тихо. Лада заворочалась во сне и что-то прошептала — неразборчивое, детское. Ортан всхрипнул и замолчал.

Милана вдруг почувствовала, как внутри неё шевелится что-то, похожее на смех. Не её. Ока.

«Ты не найдёшь новое тело, — сказал камень. — Потому что не захочешь. Тебе нравится быть мной. Нравится сила. Нравится, когда тебя боятся».

«Ты ничего обо мне не знаешь».

«Я знаю тебя лучше, чем ты сама. Я внутри тебя. Я вижу каждую твою мысль, каждое желание, каждую грязную маленькую тайну, которую ты прячешь даже от себя».

«Заткнись».

«Ты хочешь его, — продолжало Око, не обращая внимания. — Печенег. Ты хочешь, чтобы он прикасался к тебе. Хочешь почувствовать его губы на своей шее. Хочешь, чтобы он вошёл в тебя, как я вошёл — глубоко, до самого дна. И это желание сильнее твоего страха. Сильнее твоей ненависти. Сильнее всего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.